

ДЕНЬГИ КАК ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ

Статья иллюстрирует деньги как феномен культуры. Суть проблемы в том, что деньги могут быть рассмотрены в культурологическом, а не только в экономическом смысле. Как явление культуры деньги несут в себе все основные черты той культуры, в которой они существуют.

Ключевые слова: деньги; ценность; культура; глобализация; финансы.

В истории человечества отношение к деньгам колебалось от одного полюса моральной оценки к другому: «Деньги как непременимый атрибут любого общества являются зеркальным отображением культурных и религиозных законов существования людей» [1. С. 5]. Это связано с тем, что «дуализм между царством Духа и царством Кесаря – совершенно необходимое утверждение свободы человека» [2. С. 586]. Задача статьи – показать, что деньги могут быть рассмотрены в культурологическом, а не только в экономическом смысле. Чтобы понять деньги как феномен культуры, необходимо держать дистанцию от их количественной ценности.

Деньги как феномен культуры – это ценность (ценность – это фиксированная в сознании человека качественная или количественная, числовая, характеристика его отношения к объекту), занимающая определенное место в культуре. Это место является культурным статусом денег. Культурный статус денег – это нечто само собой разумеющееся, по сути «душа денег» (термин Б. Лиэтар): «Несомненно, важно их количество, достаточное для удовлетворения наших потребностей, но, по сути, природа денег остается для многих людей неразрешимой загадкой» [3. С. 5]. Б. Лиэтар образно говорит, что культурный статус денег невозможно увидеть людям так же, как если «соберутся постигать природу воды рыбы» [3. С. 10]. Ценностное восприятие культурного статуса денег сводится до универсального аксиологического стереотипа и ограничивает обмен, также не позволяет сводить хозяйственную коммуникацию до ситуации вседозволенного обмена, где товаром может стать абсолютно все: от человеческого признания и любви или убийства до продуктов общественного производства и потребления. Даже без научного приближения к проблеме видно, что деньги в культуре имеют свойство множиться до ситуации вседозволенного обмена. Как говорил в беседах о русской культуре Ю. Лотман, культурный человек – это тот, который вбирает в себя ограничения, предписанные традицией. Культурный статус денег рождается тоже из понимания таких ограничений, через видение человека «в зеркале своей мысли» [4. С. 32]. Культурный статус денег напрямую зависит от развития и типа культуры, а именно от средств и способов хозяйственной коммуникации. Хозяйственная коммуникация – это взаимодействие людей с целью обмена. В первобытных культурах обмен находится в зачаточном состоянии, только с развитием коммуникации, дорог, транспорта в целом он включается в мировое хозяйство. В то же время обмен помогает увидеть различия ценностного понимания денег людьми, принадлежащими к разным культурам. Это понимание ограничивает функциональные способности денег в обществе, не давая, например, играть главную роль в личных отношениях.

В целом мировой и российской науке знания о деньгах как о феномене культуры нужны в силу распространения психических расстройств человека, связанных с деньгами, таких как kleптомания, влечение к азартным играм, непреодолимое желание совершать подчас ненужные покупки. Четкая культурная позиция по отношению к деньгам дает возможность избежать психических и душевных расстройств в наше время, когда «происходит страшное ускорение времени, быстрота, за которой человек не может угнаться. Ни одно мгновение не самоценно, оно лишь есть средство для последующего мгновения» [2. С. 591]. В этом смысле знания о деньгах как о ценности необходимы современному человеку. Нашу жизнь уже невозможно представить без обсуждения темы денег.

В Античности и Новое время отношение к деньгам, а как следствие и к богатству, было благосклонным, что не скажешь о русской православной культуре, где деньги трактовались как неизбежное зло. Из-за этого в русской культуре отсутствие богатства не порицалось, а его наличие не гарантировало почета и уважения в обществе. Сложность изучения заключается еще и в том, что тема денег попадает в России под одно из культурных табу. Освальд Шпенглер писал: «У всякой культуры имеется как свой собственный способ мыслить деньгами, так и присущий ей символ денег, с помощью которого она делает зримым свой принцип оценки в сфере экономической картины. Это “нечто”, материализация существовавшего в мышлении, оказывается абсолютно равнозначным проговариваемым, выписываемым, вычерчиваемым для уха и глаза цифрам, фигурам и другим математическим символам, оно является глубокой и богатой сферой, остающейся почти совершенно неисследованной» [5. С. 520].

По преимуществу деньги в культуре фрагментарно исследует философия жизни и философия хозяйства, в то время как количественной (экономической) оценкой денег занимались так или иначе все направления политической экономии. В экономическом значении деньги – это прежде всего финансы; они отражают количественную составляющую обмена. Деньги в любом обществе представляли собой явление культуры. Более того, если мы вспомним, что учет появился в XIV в., а сами деньги гораздо раньше, то можно сделать вывод, что люди относились к деньгам сначала так, как предписывала культурная парадигма, а не строгий закон чисел: «Это специфически современное представление, что счета необходимо должны “сходиться”. Во все предшествующие времена, при новизне числовой оценки вещей и цифрового способа выражения, обходились только весьма приблизительным описанием соотношения величин» [6. С. 21].

До наступления эпохи глобализации проблема денег как феномена культуры уже носила яркий характер. Проблема начинается не с глобализации (всего лишь современной ипостаси старой традиции империалисти-

ческой экспансии), а гораздо раньше – в XVI в. Проблема денег как ценности культуры появляется с приходом буржуа в мировую культуру, когда буржуазная культура пытается укоренить единственно правильную количественную ценность денег, отрицая аксиологическую составляющую денег, выставляя ее за незначительность и бесполезность: «Буржуа имеет непреодолимую тенденцию создавать мир фиктивный, поработавший человека, и разлагает мир подлинных реальностей. Буржуа создает самое фиктивное, самое нереальное, самое жуткое в своей нереальности, царство денег» [7. С. 181–182]. М. Сюрёа пишет об этом так: «...ничто не может сравниться с совершенной в своем роде иллюзией, какой является сегодня идеология денег» [8. С. 80]. Когда «начинается капитализм», немедленно в товар (т.е. в то, что может измеряться деньгами) превращаются вещи, о которых в подобных терминах раньше и помыслить было нельзя: земля (массовое истребление индейцев, не желавших признать право частной собственности на землю; сопоставляется и русское религиозное отношение к земле и противоречащие ему проекты Земельного кодекса...), человек (появляется «рынок труда», где твою рабочую силу – твой товар могут купить, а могут и отвергнуть: «Человек оценивается утилитарно, по его производительности. Это есть отчуждение человеческой природы и разрушение человечества. Маркс справедливо говорил об отчуждении человеческой природы в капиталистическом строе» [2. С. 591]. Таким образом, рынок труда – прямой вызов библейскому императиву «есть хлеб в поте лица своего»). Согласно Библии безработных быть не должно. До этого ростовщичество считалось презренным ремеслом, которым могут заниматься только парии (например, евреи). Отныне мир входит в банковскую эру, когда любые моральные запреты на ростовщичество снимаются. В этой связи вспоминается забавный исторический казус совсем недавних времён: обвалы постперестроечных «пирамид» – всех этих «чар», «тибетов», «ммов» и т.п. Что произошло? Русского человека убедили перешагнуть вековой запрет предков на занятия ростовщичеством, формула «мы сидим, а денюжки идут» оказалась привлекательней Библии. Но соответствующего исторического и хозяйственного опыта у русского человека не было: европейский протестант, потомственный ростовщик, всё бы десять раз просчитал и уж конечно деньги свои в МММ не понёс. Способ «мыслить деньгами» существует в русской культуре, именно его обнаруживается через картину хозяйственного менталитета русского человека. Здесь сегодня, как в Сирии во времена Иисуса, простираются один поверх другого два экономических мира: один верхний, чужой, цивилизованный, проникший с Запада, к которому принадлежит весь западный и нерусский большевизм; и другой – не ведающий городов, живущий в глубине среди одного лишь «добра», не подсчитывающий, а желающий лишь обмениваться своими непосредственными потребностями» [6. С. 532]. Русская культура представляет собой «сплав» национального и европейского хозяйственного менталитета, сосуществующего и конфликтующего.

Особо стоит отметить современные российские художественные образы денег Виктора Пелевина: «Им-

перия V»: дискурс баблоса, недостаток секса через деньги и дискурс гламуры как желание денег через секс; «Дженерэйшн Пи»: оральные и анальные вау-факторы зарабатывать и тратить деньги как способы получения удовольствия в обществе потребления; «ДПП»: русское понимание феномена богатства, исключительно через перераспределение природной ренты, деньги невозможно заработать, их нужно поделить; «Священная книга оборотня»: деньги как просто средство в достижении личных и общих целей.

Как мы видим, с развитием глобализационных процессов даже устойчивые религиозные традиции культур упраздняются. Определений глобализации множество, но для нас достаточно того, что имелось в виду с самого начала: глобализация – это прежде всего движение товаров и денег. В постановке глобального общества деньги все чаще мыслятся только в их экономической интерпретации в качестве финансов. То есть финансы – это денежные отношения, возникающие в процессе хозяйственной деятельности. А в культурологической интерпретации деньги – это прежде всего их «качественная ценность», которая сопровождает финансовые отношения. Н.А. Бердяев писал: «Всякая качественная ценность уже показывает, что в человеческом пути есть то, что выше человека. И то, что выше человека, т.е. божественное, не есть сила внешняя, над ним стоящая и им господствующая, а то, что в нем самом делает его вполне человеком, есть его высшая свобода... Свобода человека в том, что кроме царства Кесаря существует еще царство Духа» [2. С. 584].

Без культурного статуса денег все можно измерить, не придавая моральную окраску миру. Таким образом, деньги превращают наш мир в «арифметическую задачу» [9]. Это то, что называл Н.А. Бердяев «ложной метафизикой», где признается «мир объектов первичной реальностью, мир же субъекта – вторичной... Материализм, т.е. абсолютизация вещи и объекта, есть наследие буржуазного мирозерцания» [2. С. 599]. Проблемы в мире уже не ставятся таким образом: «А можно ли нам бомбить Ирак или Сербию?» или «А допустимо ли, чтобы старики рылись в мусорных баках?». Вместо этого всего лишь: «Какой именно суммы не жалко, чтобы разбомбить Ирак?» или «Насколько эффективны реформы, после которых старики стали рыться в отбросах?» Сплошная арифметика. Материализм стал одной из черт современного мира.

Игнорирование культурного статуса денег выводит экономику в состояние противопоставления ее культуре, тем самым лишая экономическую теорию естественного свойства иннерентности [10], вписывание ее в общекультурный контекст. В истории культуры, в частности в истории хозяйства, деньги фиксируются прежде всего как культурный феномен, потому что только различие культурной интерпретации позволяет говорить об их истории.

Считается, что культура формирует отношение человека к деньгам, но не наоборот. Культура формирует, но и человек с заданным отношением к деньгам посредством оных формирует культуру. Собственно, марксизм настаивал на второй истине и неохотно соглашался видеть первую. Н.А. Бердяев отмечал эту тенденцию и видел ее так: «Современная философия

имеет тенденцию к отрицанию дуализма двух миров, мира нуменального и мира феноменального, который восходит к Платону» [2. С. 578]. Для нас они, наверное, важны обе – в их диалектической двойственности. Очевидно, например, что обилие в кинопрокате пошлых и безвкусных боевиков формирует определённый тип массового зрителя («культура формирует человека»), а уже потом прокатчики и режиссёры оказываются вынуждены ориентироваться на этот самый искусственно выведенный тип и снимать–показывать пошлость и безвкусицу («деньги формируют культуру»). Итак, культура формирует отношение человека к деньгам, а день-

ги, попавшие в контекст определённой культуры и – что более важно! – ставшие орудием определённых общественных групп, активно формируют культуру. Кино здесь отличный пример, т.к. от этих самых денег зависит больше, чем любой другой вид искусства. Так деньги посредством рыночных механизмов будут способствовать дальнейшей деградации нашей культуры.

Даже при первичном рассмотрении мы видим, что осмысление денег как феномена культуры возможно. Также явно прослеживается, что буржуазное и православное видение денег выступает как антипод и требует более детального, структурированного подхода.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бернар А.Л.* Душа денег. М.: Олимп; АСТ; Астрель, 2007.
2. *Бердяев Н.А.* Царство Духа и царство Кесаря, Дух и реальность. М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2006.
3. *Бернар А.Л.* Будущее денег: новый путь к богатству, полноценному труду и более мудрому миру. М.: КРПА Олимп; АСТ; Астрель, 2007.
4. *Марков Б.В.* Философская антропология. СПб.: Питер, 2008.
5. *Шпенглер О.* Закат Европы: В 2 т. М.: Айрис-пресс, 2004. Т. 2.
6. *Зомбарт В.* Буржуа. Евреи и хозяйственная жизнь. М.: Айрис-пресс, 2004.
7. *Бердяев Н.А.* Прельщение буржуазности. Рабство у собственности и денег // О назначении человека. О рабстве и свободе человека. М.: АСТ; Хранитель, 2006.
8. *Сюриса Мешель.* Деньги. СПб.: Наука, 2001.
9. *Зиммель Г.* Философия денег. Теория общества. М.: КАНОН-прес-Ц; Кучково поле, 1999.
10. *Тарасенко Ф.П.* Прикладной системный анализ (Наука и искусство решения проблем): Учеб. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004.

Статья представлена научной редакцией «Культурология» 25 апреля 2009 г.